Нищему подать

Нищему подать — Богу взаймы дать

В одном городе жил-был татарин. Был он человек бедный, вдовый, с малыми детьми. Целый день его дома нет — он на поденщину ходил, ребятишки все одни да одни: ни прибрать их, ни накормить, ни присмотреть за ними некому. Жениться бы ему опять, да кто за такого бедного пойдет, чужих ребят нянчить? Вот и надумал татарин взять себе в дом работницу. Хоть и тяжело бедняку лишний рот кормить, да что поделаешь: жалко детей.

Нашлась и работница подходящая. Помер тут мужик один бедный-пребедный, так после него дочь-сирота осталась. Ее татарин и сговорил, чтоб служила у него из-за хлеба. Стали они жить. Девушка — Машей ее звали — в доме управляется, за детьми смотрит, обед готовит, а татарин на поденщине работает. И так эта Маша ко двору ему пришлась, так за его татарчатами смотрела, словно им мать родная, что лучше ему, спокойнее за ней было жить, чем за своей женой: во всем он ей верил, обо всех своих делах с ней советовался. И заработок у него стал больше: первое, что работа навернулась выгодная, а второе — и работаться стало скорее, как перестал он ежечасно о своих ребятишках душой болеть.

Раз вечером, когда татарин дома был, подошел к окошку нищий, старый старичок, и просит милостыньку. Маша подала ему хлеба краюшку. «Что это ты, девушка, — говорит Маше татарин, — нищим хлеб раздаешь? Самим нам только хватает». «Ничего, сами как-нибудь сыты будем, по-нашему надо нищим подавать, потому что нищему подать — все равно, что Богу взаймы дать. А наш Бог за добро во сто раз отдает», — говорит ему Маша.

Был у татарина прикоплен на черный день серебряный целковый. И чудное дело: с той поры, как завелся у него этот целковый, завелась и лишняя забота. Ночью татарин просыпаться стал — боится: не украл бы кто его денег; днем все ему думается: как бы этот целковый в оборот пустить, чтобы не лежал он так, даром, а выгоду приносил бы.

Запали татарину в голову Машины слова; думал он, думал и порешил: дать свой целковый русскому Богу взаймы. Пришел в воскресенье на церковную паперть — и отдал деньги первому нищему.

Долго ли, коротко ли — заболела вдруг татаринова работница и так тяжко заболела, что с постели встать не может — вся как огонь горит, как свечка

день ото дня тает. Правду люди сказывают: беда идет — за собой другую ведет. Как на грех и хозяин Машин в то же время повредил себе руку топором — и ему работать нельзя. Пришла тут им беда неминучая: дети голодные кричат, плачут, есть просят, а в доме завалящего куска хлеба нет и добыть неоткуда. Вспомнил татарин про свой целковый, что русскому Богу взаймы отдал, и говорит Маше: «Вот, девушка, когда мой запасной целковый нам бы пригодился. Я его вашему Богу, как ты меня учила, взаймы дал — надо бы теперь его назад взять. Больно нужно».

А Маша и ответить ему ничего не может — так разболелась. Пошел татарин на паперть, стал искать того нищего, которому свой рубль дал, — нет нищего. Видит он, что проходят люди из церкви — в то время обедня шла, — подают нищим милостыню, стал и он руку протягивать. Стоял-стоял, люди мимо идут, ничего ему не дают, все говорят: «Бог подаст!», наконец, уж и обедня отошла. Выходит из церкви после всех старый старичок в бедной одежде и подает татарину копеечку.

Воротился татарин домой и говорит Маше: «Вот, поверил я тебе, что ваш Бог во сто раз долги отдает; а мне Он за мой целковый одну копейку отдал. Как мне теперь копейкой вас всех накормить?»

Пошел он на рынок; что ни спросит — все дороже копейки стоит, так и не купил ничего. Идет домой, голову повесивши, — а дорога шла берегом, — глядит: рыбак только что бредень вытащил, крупную рыбу от мелкой отбирает. Вот он и говорит рыбаку: «Дай мне, добрый человек, рыбу за копейку: дома дети третий день не евши». Рыбак пожалел его и дал ему за копейку рыбу, так, небольшую.

Дома стал татарин эту рыбу чистить, чтобы детям ее сварить, разрезал — глядь: внутри у нее маленький камушек, словно стекла кусочек, только на солнце очень уж сильно блестит, радугой переливается. Он его Маше показал, а она ему и говорит — ей полегче стало: «Точно самоцветный камушек. Сходи к жиду, золотых дел мастеру, — не даст ли за него что». Пришел татарин к жиду. Только взглянул жид на камень — так у него глаза и загорелись. «Где ты это взял?» — спрашивает. Татарин ему рассказал. «Ну, — говорит ему жид, — это ничего не стоит, так стеклышко». «Коли ничего не стоит, и не надо; отдам детям играть». Положил татарин камушек в карман и стал было уходить, а жид его за кафтан: «Погоди, погоди, — говорит, — и у меня дети играть любят. Давай сюда твой камушек я тебе так уж и быть, ради твоей бедности, дам за него три целковых!»

«Что-то уж сразу много жид дает, — думает татарин. — Может, вещь-то ценная…» «Нет, — говорит, — что уж! Вы, жиды, ради бедности чужим не дадите. Пойду в другом месте камню цену узнаю». — «Зачем в другом месте? Никто тебе больше моего не даст. Хочешь десять рублей?» — «Не хочу!» — «Ну, двадцать». — «И ста рублей не возьму». — «Бери сто рублей».

«Эге, — думает татарин, — вот она вещь-то какая. Ладно, — говорит, — хочешь дать тысячу рублей, — получай камень, твое счастье!» Жид торговаться: ухватился за камень, весь дрожит, глаза блестят, вертит его в руках, на свет прикидывает. Набавил двести, триста, пятьсот рублей — не уступает татарин. Нечего делать, отсчитал ему жид за камушек тысячу рублей. Известно, камень-то три стоил.

Воротился домой татарин, подошел к Маше и говорит ей: «Ну, Маша, правда твоя. Велик ваш Бог Христианский, правая ваша вера! Хочу по ней жить».

В довольстве да в холе скоро Маша поправилась. Хозяин ее окрестился, женился на ней и стали они жить-поживать, добра наживать да бедных людей не забывать.